

времени, особенно вечеромъ, когда ни онъ, ни дѣти ничего не дѣлаютъ, — особенно подъ праздники и въ праздники. Отца нѣтъ дома. Мать поговорила бы что, да не умѣетъ. Дѣти шалятъ или спятъ. Время попусту проходитъ. А коли бы она грамотна была, развернула бы книгу и читала, особенно житія святыхъ. Все бы охотно слушали. И сами себя учили-бы, и дѣтей. Вотъ и удобнѣйшее спасеніе! И многія другія отъ грамоты удобства есть ко спасенію. Остерегайся только, чтобы не загордились и много о себѣ думать не стали.

5) Говорятъ, что замужъ выйдетъ — все забудетъ. Да затѣмъ же бросать или читать, выучившись? Какъ выучится, такъ и купи книжку: вонъ есть много дешевенькихъ и заставляй ее читать... вечерами, когда свободно, а то въ праздникъ. Такъ и не забудетъ. Привыкнетъ такъ почитать у отца съ матерью, и замужемъ такъ будетъ дѣлать, — тѣмъ охотнѣе, что и мужъ будетъ грамотный. А я думаю еще, что грамоту трудно забыть. Кто хорошо выучится, какъ ее забыть? Вѣдь это тоже, что мастерство. Кто чуть-чуть выучится мастерству и броситъ, конечно, можетъ забыть. А кто хорошо выучится, тотъ не забудетъ. Такъ и грамота.

6) *Прясть стала...* Есть о чемъ жалѣть? Много ли дѣвочка нарядетъ. И придутъ-то онъ больше затѣмъ, чтобы выучаться прясть. Выучиться же сему онъ могутъ и обучаясь грамотѣ. Днемъ пусть грамотѣ учатся, а вечеромъ придутъ. То и другое будетъ идти рядомъ. И что будетъ-то! Мастерница какая можетъ выдти! Есть теперь книги со всеми мастерствами: описано, что какъ дѣлать. Купи ей тогда такую книжку. Почитаешь, и чему-чему она тамъ ни научится — всемъ женскимъ мастерствамъ! — Времени же на обученіе много не потребуется. Дѣвочки смѣтливѣе мальчиковъ. Скоро церенимаютъ и навываютъ читать.

Все сіе и подобное передай родителямъ. Авось вразумятся. — Возьмутъ въ толкъ — добръ. А не возьмутъ — Господь будетъ имъ судья. Самъ же не унывай, — и все продолжай трудиться. Когда обучишь всехъ мальчиковъ — и, о ослабъ, и дѣвочекъ! — закваска будетъ положена, и грамота ужъ не переведется въ селѣ. Ибо какой грамотный отецъ захочетъ оставить сына своего необученнымъ? („Церк.-прих. Школа“ 1895 г. январь, стр. 347 — 350).

Нѣсколько словъ о Безроденскомъ пещерокопателѣ Андрѣ Черкасовѣ.

Въ 1889 году въ „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ была напечатана статья, подъ заглавіемъ: „Повѣствованіе о Безроденскихъ пещерокопателяхъ въ Астраханской губерніи“. Въ то время я служилъ въ селѣ Заплавномъ, и слухи о затѣяхъ мнимаго подвижника Черкасова, Безроденскаго пещерокопателя, доходили до меня и раньше, но при всемъ моемъ

желаніи побывать самому въ таинственныхъ Безроденскихъ пещерахъ и по-видать мнимо-затворника Черкасова мнѣ все какъ-то не приходилось. Наконецъ, по прочтеніи упомянутой статьи, я рѣшился, во что-бы то ни стало, отправиться въ село Безродное и повидать все то, что меня такъ интересовало. Приѣхавъ въ означенное село, я съ особеннымъ любопытствомъ прошелъ сначала садъ, который будто-бы искони принадлежалъ Черкасову, а затѣмъ предъ самыми дверьми въ такъ называемый молитвенный домъ я встрѣтилъ и самого хозяина Черкасова. Это — старичокъ лѣтъ 50-ти. Худое и блѣдное лицо его, тихая и мягкая его рѣчь произвели на меня совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ какое я ожидалъ. Но что показалось мнѣ страннымъ, такъ это то, что, разговаривая со мною, онъ ни разу почти не взглянулъ прямо на меня, а все время или смотрѣлъ въ землю, или же глядѣлъ по сторонамъ. Поздоровавшись съ нимъ, я попросилъ его показать мнѣ его моленную и пещеры. Не отвѣчая ни слова, онъ пошелъ впередъ меня по лѣстницѣ вверхъ, произнеши тихо: „Идите за мной“. Войдя въ домъ, я удивился расположенію комнатъ. Первая большая комната была отдѣлена отъ другой, также большой комнаты, перегородкою, но эта перегородка скорѣе напоминала собою иконостасъ. Уставленная вся иконами не въ одинъ ярусъ, перегородка имѣла двѣ боковыя двери. Въ срединѣ между этими дверями была повѣшена лампада, а около помѣщенныхъ по сторонамъ ея иконъ Спасителя и Божіей Матери стояли подсвѣчники. Другая комната, представляющая изъ себя вѣчто въ родѣ алтаря, была пуста, лишь по стѣнамъ были развѣшаны иконы. На вопросъ мой: „Почему такая планировка комнатъ?“ Черкасовъ кратко отвѣтилъ: „одна половина для мужчинъ, другая для женщинъ, когда мы собираемся на молитву“. — „А для чего, спросилъ я, у васъ колоколъ?“ — „А это я (былъ отвѣтъ) созываю богомольцевъ на молитву или на обѣдъ. Бываетъ иногда очень много народу: во время дня одни уходятъ въ садъ, другіе въ пещеры, третіе въ кельи, и вотъ этимъ колокольчикомъ я ихъ всѣхъ созываю въ назначенный часъ“. — Изъ моленной мы пошли въ кухню. Это длинные глиняные коридоры съ столами и скамьями, въ концѣ коридора глиняная кухня съ двумя громадными котлами. Изъ кухни мы спустились въ подземелье. Предъ самымъ входомъ въ пещеры Черкасовъ снялъ свою шапочку, въ родѣ священнической суфьи, положилъ три земныхъ поклона предъ иконою, висѣвшею съ боку двери, приложился съ какимъ-то особеннымъ лицемѣрнымъ благоговѣніемъ къ иконѣ, зажегъ восковой огарокъ, далъ и мнѣ огарокъ, а затѣмъ, отворивъ дверь, сталъ тихо спускаться еще куда-то ниже. Я, конечно, послѣдовалъ за нимъ. Всю дорогу онъ шелъ молча, объясняя мнѣ изрѣдка, что „вотъ тутъ въ Кіевѣ подвизался и умеръ такой-то подвижникъ“. „Наши пещеры, прибавилъ онъ, устроены на подобіе Кіевскихъ пещеръ“. — „Кто-же, спросилъ я его, рылъ эти пещеры?“ — „Люди Божіи — угодники Божіи“, отвѣтилъ онъ. — „А какіе?“ снова спросилъ я, но Черкасовъ, повидимому, не желалъ

удостоить меня отвѣтомъ. Идя по темнымъ корридорамъ, я видѣлъ множество темныхъ ходовъ въ боковыя стороны. И когда я просилъ своего проводителя провести меня и туда, онъ отвѣчалъ: „воздѣ побудемъ“. Однако, пройдши два корридора, мы очутились снова у выхода. Я удивился и сказалъ ему: „Что же ты, Лукьянычъ, не проведь меня по тѣмъ корридорамъ и не покажь миѣ свою часовню, о которой я чигаль?“ Черкасовъ молча заперъ двери, снова положилъ три поклона, приложился къ иконѣ и сказалъ: „Это злые люди пишутъ про меня. Богъ съ ними! Ихъ Господь накажетъ. Никакихъ у меня часовенъ нѣтъ, а что есть, я тебѣ все показалъ“. Затѣмъ, не говоря со мною болѣе ни слова, онъ безцеремонно оставилъ меня и ушелъ въ свою келью.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда на дворѣ Черкасова уже выстроена была и освящена святая обитель (община) и храмъ, я снова встрѣтился съ Черкасовымъ, но на этотъ разъ Черкасовъ выглядывалъ уже не тѣмъ старичкомъ-мужичкомъ, какъ прежде. Своею одеждою онъ скорѣе походилъ на іеромонаха. Въ подрясникѣ, подпоясанномъ вышитымъ поясомъ, съ распущенными волосами, въ скуфьѣ и съ посохомъ въ рукахъ, который ему былъ будто-бы присланъ какимъ-то святымъ мужемъ изъ Іерусалима, онъ встрѣтилъ меня словами: „вотъ видите, батюшка, злые люди хотѣли очернить меня и сіе святое мѣсто, а Господь-то не допустилъ имъ посмѣяться. На этомъ мѣстѣ нынѣ воздвигнутъ Божій храмъ. Теперь цѣль моя достигнута. Я наконецъ таки дождался того, чего такъ давно желалъ. Теперь я спокоенъ. Сердце мое радуется, когда слышу ежедневный, на моемъ дворѣ, благовѣсть къ божественной службѣ. Миѣ остается теперь только ходить въ храмъ Божій да молиться. Хлѣбъ у меня съ монастырскаго стола. Келья и отопленіе казенное. Чего миѣ еще надо?“ Но оказывается, такая спокойная жизнь Черкасову была совершенно не по сердцу. И постройка храма со святою обителью не могла удовлетворить зараженной страшнымъ честолюбіемъ души этого старика. А вѣдь Самъ Господь пришелъ на помощь этому погибающему гордому старику. Св. храмъ, ежедневная служба, — все бы, кажется, должно напоминать ему о раскаяніи и возвращеніи отъ бездны грѣховной, изъ той секты духобратства, въ которой онъ прежде соголялъ*). Оказывается, не такъ. Тщеславіе и гордость не давали ему покоя, мысль о потеряннѣй имъ славѣ учителя и руководителя не покидала его. Въ этомъ я убѣдился недавно. Черкасовъ, веномнивъ свое прошлое былое, снова возвращается къ тому, что такъ давно, казалось, было позабыто. Черкасовъ, теперь уже, какъ поощренный, будто-бы, начальствомъ, одѣвшись въ одежду духовной особы, ѣздитъ съ пропагандой духобратскаго лжеученія по селамъ. Но не туда, гдѣ его больше знаютъ, а подальше: въ Паралюку, Кал-

*) Со лжеученіемъ этой секты можно ознакомиться, между прочимъ, изъ статьи, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько словъ о сектантахъ, называемыхъ Духобратіи“, помѣщенной въ № 12 „Астрах. Епарх. Вѣдом.“ за настоящей 1895 годъ.

мыцкую балку, Балыклей и Выково. Ёдетъ и проповѣдуетъ: „Слушайте, православный народъ! Кто хочетъ спастись, жертвуйте мнѣ и идите въ мои пещеры. Идите туда, ибо туда скоро придуть угодники Божіи преподобные Антоній и Θεодосій Печерскіе. Наскучило имъ лежать въ Кіевѣ, хотятъ они, святые, прославить и мои святныя пещеры“. Остававливаясь въ селѣ, онъ собираетъ людей, устраиваетъ общія моленія, гдѣ его зовутъ о. Андреемъ и подходятъ къ нему подѣ благословеніе, какъ къ священнику. „Молитесь, братіе (проповѣдуетъ онъ), двуперстно, въ молитвѣ „Богородице Дѣво, радуйся“... читайте вмѣсто Богородица — „Христородица“. И вотъ, внемля глазу этого волка, скрывающагося подѣ овечьей шкурою, народъ тащитъ ему со всѣхъ сторонъ свои жертвы, такъ что изъ Паралейки, говорятъ, онъ повезъ вoзoвъ семь зерноваго хлѣба. Такъ и хочеться сказать этому лжеучителю: „Черкасовъ! Не говорилъ-ли ты мнѣ, что теперь ты спокоенъ и доволенъ? На что тебѣ этотъ сборъ? Неужели опять вздумалъ открывать страннопримный домъ? А кто тебѣ сіе позволилъ?“ — Публичное неразрѣшенное собраніе и громкое пѣніе, конечно, вызвали протестъ. Урядникъ въ проводилъ Черкасова изъ села, а мѣстные священники въ своихъ проповѣдахъ начали уговаривать своихъ прихожанъ не слушать его льстивыхъ рѣчей и не ходить къ его пещерамъ. Но что-же народъ? Не успѣвъ огласиться симъ увѣщаніемъ, жители селъ, а въ особенности старушки и дѣвы, толпами потекли на богомолье въ пещеры. „Пойдемте, братіе (говорятъ они другъ другу), пойдемте къ о. Андрею. У него въ пещерахъ св. мощи угодниковъ Божіихъ; вѣдь тамъ и страшнаго суда не будетъ, по словамъ бабюшки о. Андрея. Онъ говоритъ, что когда Господь будетъ судить вселенную, то насъ въ пещерахъ онъ не найдетъ“. И вотъ эти несчастные, не слушая предостереженій своихъ законныхъ пастырей, несмотря на препятствія со стороны гражданской власти, идутъ и идутъ.

О, Господи! Доколь Ты будешь терпѣть этого грѣховодника и лжеучителя Черкасова! Вѣдь сколько было несчастныхъ жертвъ обмана этого негоднаго старика! А, можетъ быть, снова и еще болѣе найдется такихъ, которые по простотѣ своей попадутся въ разгавленные сѣти лукаваго Черкасова, если, конечно, не будутъ приняты болѣе строгія мѣры къ пресѣченію его пропаганды. Есть въ Паралейкѣ какой-то еще „отецъ“ Борисъ, которому, равно какъ и „отцу“ Андрею, давно-бы слѣдовало подрѣзать крылышки, а то они въ своромъ времени съ своею пропагандою полетятъ еще далѣе.

Св. А. Л. С.

НИКОЛЬСКІЯ ВОРОТА ВЪ АСТРАХАНИ.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ въ г. Астрахани въ сущности своей, но никѣмъ не замѣчаемое по отдаленности отъ центра города, должно